

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

ДВА СТЕКЛЯННЫХ СОСУДА ИЗ НОВОГРУДКА

При раскопках жилищ окольного города Новогрудка, которые ведутся славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции, работающей под руководством Ф. Д. Гуревич, было найдено большое количество обломков высококачественного стекла.

Из многочисленных мелких кусочков М. В. Малевской удалось с большой точностью и убедительностью восстановить облик только двух сосудов.

Первый из них, найденный в 1958 г., представляет собой расширяющийся кверху кубок красно-фиолетового цвета (высота 20 см, диаметр основания 6 см, верхнего борта 9 см). Дно в центре вогнуто внутрь, а снаружи имеет узкий борт (табл. 1 и рис. 1). Внешняя поверхность кубка богато украшена росписью золотом. Верхняя его половина наклонными перекрещивающимися линиями разделена на ромбики, внутри которых помещены изображения веточек или деревьев типа «елочка», они не всегда одинаковы. Некоторые из них отличаются «кудрявостью» и напоминают упрощенное изображение не ели, а кипариса. В средней части обеих сторон кубка в широкой прямоугольной раме помещены геральдические фигуры птиц, вероятно, орлов, с распростертыми крыльями, раскрытым хвостом, расставленными лапами и повернутой вправо головой. Туловище, оперение, хвост и крылья орла разделаны гравировкой по золоту.

Внутри прямоугольной рамы заметны следы овального обрамления, составленного из квадратов, соединенных прямыми линиями. Ниже медальонов с птицами — широкая золотая полоса. Золотая краска сохранилась частично, но там, где золото опало, четко виден его сероватый след.

В 1959 г. в северо-восточной части того же жилища был найден второй сосуд, представляющий собой небольшой плоский флакон с узким горлом из синего стекла, высотой 17,5 см (табл. 2 и рис. 2).

Вся поверхность флакона была украшена росписью золотом и белой эмалью. Горизонтальные и поперечные широкие парные линии белой эмали разграничивают на корпусе сосуда сюжетные и орнаментальные зоны, причем парные линии замыкают роспись сверху и снизу.

Первая зона состоит из трехконечных крестиков, выполненных золотом и эмалью. Вторая зона заполнена зигзагообразными и прямыми линиями, под ней помещен ряд белых кружков.

В сохранившейся нижней половине флакона дано сюжетное изображение, выполненное золотом. Очевидно, тут была помещена какая-то птица. От этой же части сохранились кусочки изображений веток, которые заполняли свободное пространство около птицы.

Полностью можно восстановить лишь одну сторону флакона, от другой же сохранился только небольшой кусок с остатками изображения

зверя или птицы. Судя по толщине стекла этого обломка, можно заключить, что изображение на этой стороне находилось не в нижней, а в верхней части сосуда и что, таким образом, украшения на двух сторонах флакона не были симметричными. Небольшое, но узкое горлышко флакона было покрыто сходящим на нет золотом, ниже на покатых плечиках сохранились четыре золотых лепестка, расположенных вокруг горлышка.

Эти два сосуда — кубок 1958 г. и флакон 1959 г. — по своему внешнему виду и по фактуре стекла резко выделяются среди стеклянных сосудов не только Новогрудка, но и среди известных образцов стеклянной посуды из других городов Древней Руси¹. В то же время они очень напоминают те немногочисленные изделия из тонкого стекла, покрытые золотом и эмалью, которые принято называть «византийским стеклом».

Еще совсем недавно сведения о византийском стеклоделии основывались главным образом на немногочисленных литературных источниках. В XI в. немецкий монах Теофил в своем «Трактате о различных ремеслах»² описал технику изготовления и особенно росписи византийского стекла.

В последнее время археологический материал, подтверждая данные Теофила, дает более широкое представление о стеклоделии Византии.

Известные нам образцы стекла, изготовленные на основе техники, описанной Теофилом, по своему цвету делятся на две группы.

Первая группа — красно-фиолетовые изделия: ваза, хранящаяся в сокровищнице св. Марка в Венеции³, фляга из коллекции Рай Смита в Вашингтоне⁴ и новогрудский кубок.

Ко второй группе сосудов — синего стекла (как наш флакон) — относятся сосуд из Двина⁵ и еще два флакона из Коринфа⁶ и Кипра⁷. Последние похожи на новогрудский и своей уплощенной формой. Флакон из Кипра, кроме цвета и формы, имеет очень много других схожих черт с новогрудским (рис. 3). Высота кипрского флакона 16,9 см, новогрудского 17,5 см, наибольший диаметр первого — 4,5 см, нашего — 5,5. Много общего имеется и в декорровке сосудов. Оба горлышка покрыты золотом; на плечиках новогрудского флакона имеется четыре лепестка, на кипрском сосуде восемь лучей. На обоих экземплярах роспись на корпусе разделяется на две зоны широким пояском, в одном случае заполненным кружочками, а в другом зигзагами и фигурами в виде углов. Двойные белые линии замыкают орнаментацию на плечиках и в нижней части. В одной зоне имеется геометрический орнамент, в другой — изображение птиц, причем на двух сторонах эти изображения помещены асимметрично. При сравнении деталей обоих сосудов выявляется так много общих и схожих черт, что близость их происхождения не может вызвать сомнений.

Принадлежность коринфского и кипрского флаконов к Византии несомненна: первый из них найден в стеклодельной мастерской XI в.

¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси X—XIII вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 114—126.

² W. Theobald. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Das Theophilus Presbyter Diversarum Artium Schedula. Berlin, 1933, S. 134.

³ A. Pasini. Il Tesoro di San Marco in Venezia. Venezia, 1886, p. 82.

⁴ «Glass from the Ancient World». The Ray Winfield Smith Collection. Corning, 1957, № 526.

⁵ Р. М. Жанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 120—124.

⁶ G. R. Davidson. The minor objects. Corinth, XII 1952, p. 115, № 750; idem. A Mediaeval Glass-Factory of Corinth. AJA., XLIV, 1940, p. 320.

⁷ A. H. S. Megaw. A Twelfth Century Scent Bottle from Cyprus. «Journal of Glass-Studies», vol. I, 1959, p. 59—61.

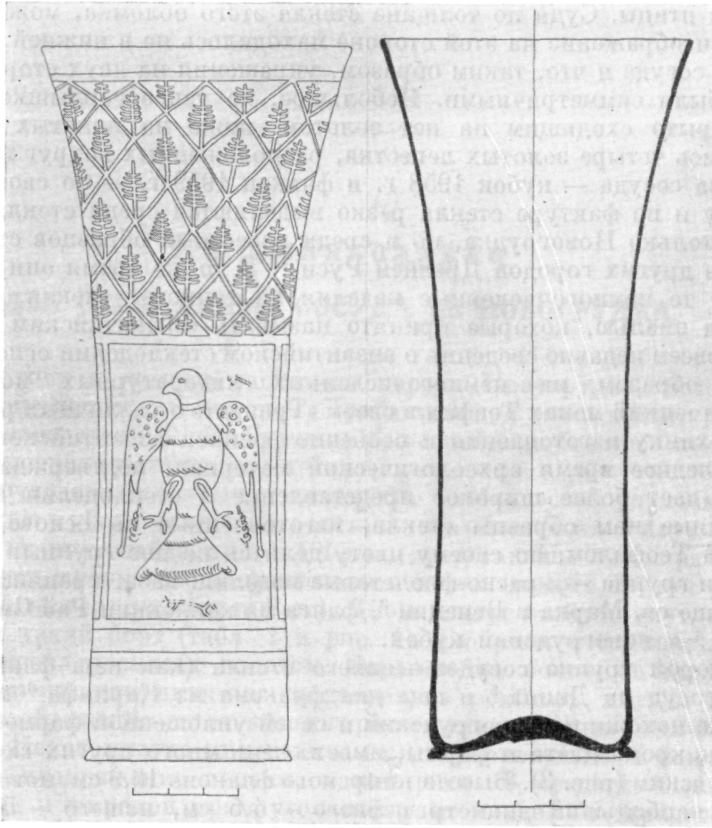

Рис. 1. Реконструкция кубка

в Коринфе, второй — в Византийской крепости на Кипре и датируется тоже XI в.

Несмотря на то, что в наше время образцов этой группы стеклянных изделий стало больше, их все же еще недостаточно для характеристики группы в целом. Но о некоторых общих чертах этих редких стекол уже можно говорить.

Все отмеченные сосуды связаны друг с другом общностью техники росписи, которая совпадает с описанием Теофила; разница только в большей или меньшей степени использования золота и эмали, что можно, однако, объяснить случайными причинами. На венецианской вазе эмаль использована в большом количестве; много эмали и на коринфском флаконе, тогда как на двинском сосуде она украшает только плечики несколькими розетками. На кипрском и новгородском флаконах золото и эмаль использованы равномерно.

Отсутствие эмали на кубке из Новгорода не должно вызывать недоумение — это можно объяснить как плохой сохранностью сосуда, так и индивидуальным вкусом художника.

Однако, кроме общности техники росписи, все сосуды, несмотря на некоторое различие сюжетов, связаны между собой еще и общностью их художественного стиля, характерного для всего византийского искусства (будь то роспись по стеклу, миниатюра или резьба по кости):

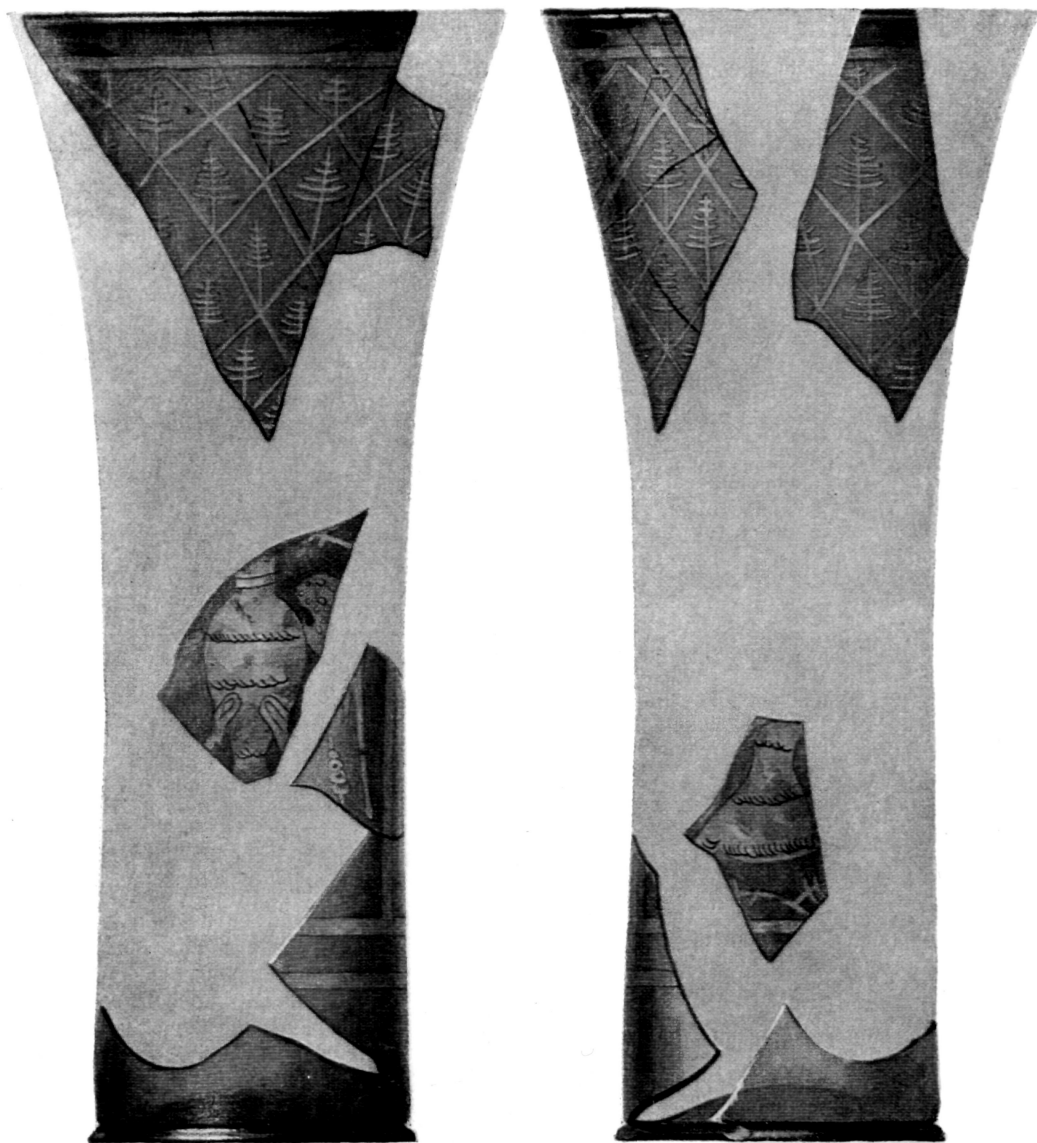

Таблица 1. Ёубок из Новогрудка

Таблица 2. Флакон из Новогрудка

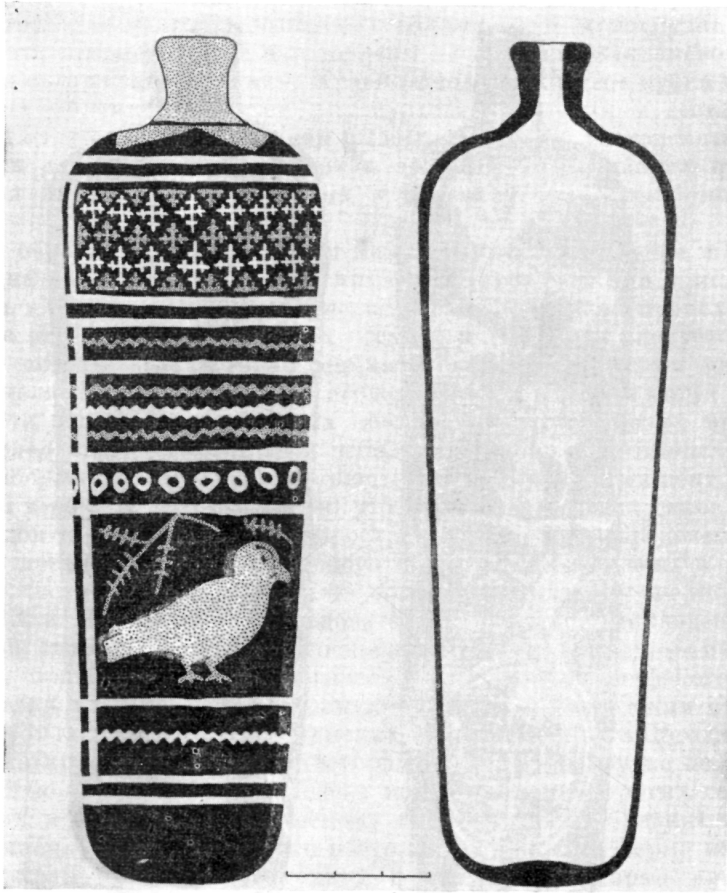

Рис. 2. Реконструкция флакона

передача сюжетных сцен, людей, зверей, птиц помещенных в круглые или квадратные медальоны, сочетание их с растительным орнаментом, который, как правило, заполняет свободные поля.

Росписи, — как на новогрудском кубке, так и в особенности на флаконе — в общих чертах отражают принципы этого стиля.

На кубке мы имеем также два мотива: центральная геральдическая фигура орла с распростертыми крыльями в нижней половине и веточки, помещенные в разграфленных ромбиках, — в верхней.

Изображение птиц и, в частности, изображение геральдической фигуры орла получило широкое распространение у разных народов, на широкой территории Азии и Европы. Подобные фигуры орла можно встретить и в древнерусском искусстве, в орнаментах Кавказа, Передней Азии, а также в Византии.

Но здесь хочется подчеркнуть другую, более характерную деталь, имеющуюся на кубке, — разграфленные ромбики с вписанными в них веточками. Такой мотив часто встречается в византийской керамике обычно на дне чаш⁸. Там на полях, разграфленных на ромбики или квадратики,

⁸ Ch. H. Morgan. *The Byzantine Pottery*. Corinth, XI. 1942, fig. 124, 209.

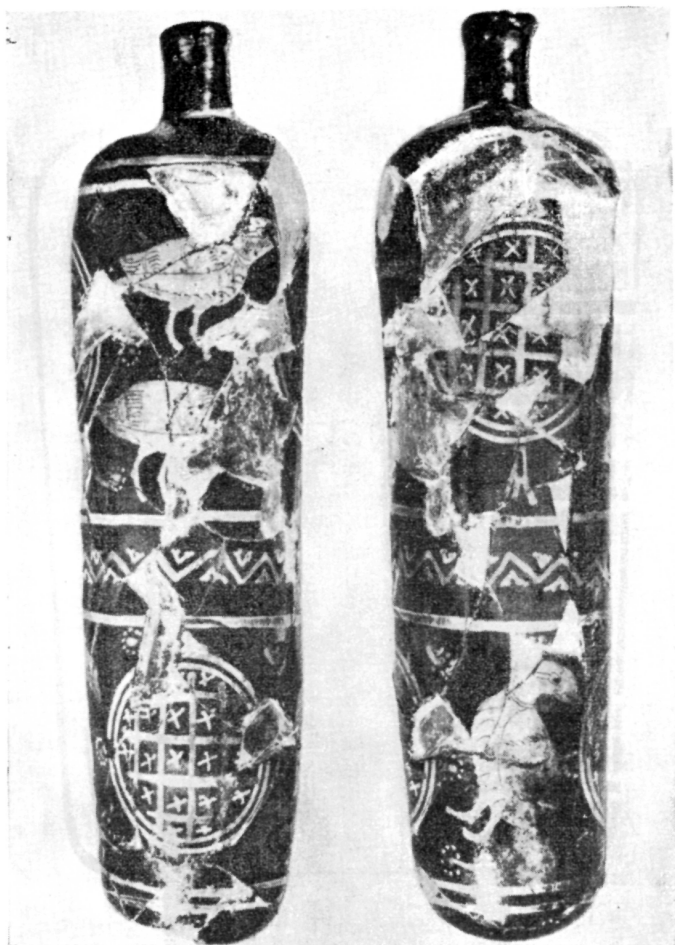

Рис. 3. Флакон из Кипра

вписывались не только веточки, но также крестики и кружочки. Чаши с таким орнаментом были найдены в Коринфе и в несомненной зоне византийского влияния в Армении и Грузии (Двин⁹, Ани, Дманиси)¹⁰; нечто похожее мы находим и на кипрском флаконе.

Все стеклянные предметы, с которыми мы сравнивали наши сосуды, датируются XI—XII вв. К этому времени следует отнести новгородский кубок и флягу. Такая датировка совпадает с датой Ф. Д. Гуревич, установленной для жилищ окольного города Новгорода.

В настоящее время при изучении древнего стекла и особенно для решения вопроса происхождения изделий важное место принадлежит химическому анализу. Химический анализ как красного кубка (лаборато-

⁹ К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, рис. 189 (на арм. языке); Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, рис. 9, 10.

¹⁰ З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XII вв. Тбилиси, 1954, табл. 31.

рия МГУ), так и синей фляги (лаборатория Института археологии) и еще некоторых мелких разрозненных обломков из Новогрудка показывает, что эти предметы были изготовлены из натриево-кальциевого стекла с большим содержанием магния. Красно-фиолетовый цвет кубка и мелких фиолетовых обломков получен в результате введения в стекло окиси марганца. Этот состав стекла, как было установлено исследователями¹¹, характерен для средиземноморских и особенно византийских изделий и отличается от состава европейских и древнерусских стеклянных предметов¹².

Таким образом мы видим, что и химический анализ кубка и фляги из Новогрудка вслед за технологическими и стилистическими данными указывает на их импортное, вероятнее всего, византийское происхождение.

Относя эту группу стеклянных сосудов к Византии следует подчеркнуть, что под Византией надо понимать средиземноморский мир в широком смысле слова. Дальнейшие исследования и находки могут уточнить особенности отдельных локальных центров. В настоящее же время, называя (вслед за Теофилом) этот небольшой набор однотипных изделий «византийскими изделиями», мы отнюдь не ограничиваем их центральными областями империи. Нет сомнения, что производство этих типов стеклянных сосудов имело широкое распространение во всем Средиземноморье.

Самые древние образцы подобного стекла были найдены в Египте и относятся, по мнению Ламма¹³, к позднефатимидскому периоду, т. е. к концу IX в. Давидсон¹⁴, исследователь коринфской стеклоделательной мастерской, считает, что она была основана греками, выходцами из Египта. Мэтсон¹⁵, произведший технологическое изучение коринфского стекла, также указал на его технологическую близость к египетским стеклам и на отличие от так называемых «исламских», изготовленных в Передней Азии.

Находка красного кубка и синего флакона в Новогрудке не является случайностью. Там же были найдены мелкие обломки других сосудов — фиолетовых и синих, по химическому анализу также близких к византийскому стеклу. Но эти обломки настолько малы, что форма их не поддается восстановлению, кроме двух фрагментов, которые явно представляют собой остатки другого сосуда, подобного нашему флакону. Следует также упомянуть о фрагменте желтого прозрачного стекла с остатками арабской надписи, несомненно, восточного происхождения.

Таким образом, люди, которым принадлежало раскопанное в окольном городе Новогрудке жилище, пользовались первоклассной стеклянной посудой из различных далеких стран, доставленной торговцами или привезенной рыцарями, участвовавшими в крестовых походах.

¹¹ F. R. M a t s o n. Technological Study of the Glasse from the Corinth Factory. *AJA.*, XLIV, 1940, № 3, p. 325—358.

¹² М. А. Безбородов. Указ. соч.

¹³ K. J. L a m m. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten, Bd. I, II, Berlin, Taf. 42 : 4, S. 122—124, 1930, *idem*. Glass from Iran in the National Museum Stockholm. Stockholm, 1935, pl. 45 B.

¹⁴ G. R. D a v i d s o n. A Mediaeval Glass-Factory of Corinth, p. 308.

¹⁵ F. K. M a t s o n, *Op. cit.*, p. 326.